

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР

РАССКАЗ

Мои друзья порой удивляются: неужели у прокурора есть такие проблемы, из-за которых голова может болеть. За всеми надзираешь, всех контролируешь, одним словом — “око государево”. Чудаки, они, видимо, забыли, что и у прокурора есть своё начальство, а уж оно-то всегда найдёт за что спросить: сроки следствия, жалобы граждан, проверки, отчёты, наконец, хозяйственные вопросы тоже приходится решать — есть от чего голове болеть...

В этот вечер именно с такой головной болью я возвращался домой. Моя “девятка” слушается меня всегда, даже, кажется, если я вообще сяду за руль без головы. Водительский опыт — большое дело, а он-то у меня, слава Богу, есть. Гололёд мне не страшен, поскольку все четыре колеса машины ошипованы и свою колею держат уверенно. На проспекте Ленина на небольшой скорости обхожу троллейбус с опущенными троллеями, как вдруг на моём пути возник какой-то старик. Выглянул из-за троллейбуса, и вместо того, чтобы пропустить машину, рывком бросил себя на неё. Камикадзе чёртов! В последний момент я успел вывернуть руль в противоположную от незадачливого пешехода сторону и остановил автомобиль. Лобового удара удалось избежать, и старика я задел только по касательной, но он упал на снег и закричал истошным голосом, а рядом остановка автобуса. Мгновение, и вокруг нас собралась галдящая толпа, посылались первые версии случившегося: “Убили! Задавили!”

— Хорошо ещё, что не зарезали, — только успел подумать я и моментально взмок от напряжения. Но уже через мгновение я выскочил из машины.

ПАВЛОВ Сергей Михайлович родился в 1952 году в г. Белово Кемеровской области в семье шахтера. Юрист, журналист. Работал учителем, служил в МВД. Подполковник милиции в отставке. Автор 13 книг прозы и публицистики. Член Союза писателей России. Живет в г. Кемерово.

— Дед, ты живой? — Дурацкий вопрос! Он ревет как оглашенный, а я интересуюсь: живой он или уже умер. Нервы! Уже потом, когда я рассказывал своим друзьям об этом происшествии, я всё обрисовал чуть-чуть по-другому: я не говорил про пот, про испуг... А всё это было, но главное — чувство огромной вины перед этим старым незнакомым человеком на какое-то время подавило мою волю.

Старик притих и только стонал, держась за ногу. При свете фар и уличного освещения я быстро осмотрел его: крови не было. Впрочем, если закрытый перелом, то её вообще может не быть. Едва попробовал его поднять — тот снова в крик. Я поднял голову, а надо мной кудахчет какая-то перепуганная женщина, да мужики стоят и всерьёз рассуждают: мол, стариков добивают, нет проходу от этих крутых... Вот я уже и в “крутые” попал! Попробовал их успокоить — эффект обратный. Попросил помочь посадить старика в машину, а из толпы кто-то злорадно бросил:

— Щас увезёт старика за город да бросит на морозе — ищи его потом!..

Весёлая ситуация — вот меня уже и в душегубы записали! Прошу вызвать “Скорою” и ГАИ, или как их теперь называют — ГИБДД. Никто не тронулся с места: орут, но помочь не хотят. Я уже замёрз, ведь в машине я ехал в костюме, а дублёрка лежала на заднем сиденье. Мелькнула мысль: хорошо, что я сейчас не в своём прокурорском мундире — затоптали бы, наверное, на месте, да и рёву было бы ещё больше. Ох, не любят у нас, когда начальство обижает старых и больных! Махнул я рукой на окружение и снова к старику:

— Дедуль, как тебе помочь? Куда везти: в больницу или домой? Где болит-то?

От некоторой растерянности я говорил много и излишне суетился. Старик, похоже, оправился от шока, прислонился спиной к машине и тянет штанину вверх, а там, на голени, громадный синячище, но крови нет. Он сам себя по синяку хлопнул — поморщился, но не закричал: цела, значит, кость, а то бы он всех этих горлопанов перекричал.

— Давай-ка, дед, в машину грузиться, а то замёрзнешь здесь. Куда надо, туда и отвезу...

Он молча встал и, прихрамывая, пошёл к машине. Сел сзади, прямо на дублёрку. Бог с ней! Я завёл двигатель и осторожно тронулся с места, оставляя растревоженную толпу на дороге, и уже в зеркале заднего вида увидел, как один мужчина записывал номер моей машины.

— Привет, прокурор! Попался! — со злорадством подумал я о себе. — Через час вся городская милиция будет ловить “девятку” с моими номерами. Сафари на прокурора — весёлое занятие.

— Дед, как себя чувствуешь? Голова не болит? — не оборачиваясь, спросил я тихо постанывающего старика.

— Да нет, сынок, нога вот только...

Про голову это я так спросил, для подстраховки. Я видел, что мой клиент головой не стучался ни о машину, ни об асфальт. Краски не сгущает дед, а это уже хорошо.

— Давай-ка я тебя в больницу отвезу, а то мало ли что...

— Ой, сынок, мне бы домой, — простонал старик и назвал адрес.

Вдруг словно молния пронзила мою болящую голову: человека сбил, с места происшествия уехал, не дождавшись ГАИ (или как их теперь называют), потерпевшего в больницу не доставил, не убедился, в каком состоянии он находится, очевидцев ДТП не записал, зато меня самого уже записали в преступники... Совсем сдурел, прокурор! Ну, а если помягче — просто подрастерялся, товарищ прокурор!.. Оно и понятно: не каждый день людей сбивать приходится! У меня этот случай вообще первый и, тьфу-тьфу! — дай Бог, чтобы последний был. Я остановил машину и повернулся к затихшему пассажиру.

— Вот что, дед, хочешь — не хочешь, а свезу-ка я тебя в больницу, в травмпункт. Так закон требует! Там тебя осмотрят, рентген сделают, а то мало ли что потом может обнаружиться... Поедем!

— Сынок, — жалобно протянул незнакомец, — дал бы ты мне рублёв триста на лечение да отпустил домой. Зачем я тебе?

Эти слова, было, насторожили меня, но нервное напряжение, а главное, боязнь упустить время отвлекли меня. Мне нужно было самому сооб-

щить в милицию о случившемся. Негоже, чтобы прокурора ловили по городу как нашкодившего жулика. Круто развернув машину, я поехал к травмпункту. Проезжать пришлось мимо места аварии. Там уже стояла милицейская машина, и ещё не успокоившиеся от пережитого очевидцы любезно делились своими впечатлениями с двумя милиционерами. Когда я проезжал мимо, все застыли в изумлении, а затем не менее десятка пальцев взяли меня на прицел.

— Попался, болезный! — кисло усмехнулся я в свой адрес и, не снижая скорости, продолжил путь в больницу. К её крыльцу я подъехал уже в сопровождении милицейского “уазика”, а когда помогал старику выйти из машины, то уже чувствовал за спиной дружеское дыхание милиционеров.

— Гражданин, пройдёте! — обратился ко мне младший лейтенант, положив руку на плечо. Страхнув её с себя и стараясь быть не очень резким, остановил его:

— А не лучше ли, лейтенант, сначала помочь доставить потерпевшего в больницу, а уж потом разборки устраивать?

Поддействовало, а говорят, что в милиции все несообразительные. Увидев милиционеров, старик сильно разволновался, не хотел даже выходить из машины. Я сначала удивился, но потом отнёс это на заложенную в генах “любовь” населения к родной милиции...

Пока моего невольного спутника врачи осматривали да высвечивали, я представился милиционерам. Среагировали адекватно, козырнули даже. Я пояснил, как всё произошло. Офицер что-то записывал, а к нам в коридор со снимком в руках вышел врач.

— Переломов, трещин в кости нет, — сказал он будничным голосом и кивнул на снимок. — Просто ушиб, но как-то странно попал он под машину, уж слишком аккуратно — нетипичный случай. Кстати, в прошлом месяце этот старик уже был у нас с такой же травмой...

Он зашёл в кабинет и через секунду вернулся с журналом в руках.

— Вот, смотрите, — он пролистнул несколько страниц и указал: — Шевчук Юрий Николаевич, 1925 года рождения... Ушиб ноги... только левой...

— Шевчук, Шевчук... — круглолицый старшина напряг свой недожженный ум, пытаясь что-то вспомнить, — знакомая фамилия...

В это время из кабинета врача в коридор вышел старик, но увидев нашу компанию, он явно растерялся, попятился, желая нырнуть назад, в кабинет врача, но я удержал его за рукав.

— Вот, доктор успокоил нас немного... — начал было я.

— Да, Юрий Николаевич, — подхватил травматолог, — сегодня вам снова повезло, но надо быть осторожнее: за месяц вы уже дважды побывали под машиной. И откуда у вас такая прыть? Прямо как у молодого козлика?

Он говорил это негромко, с явной иронией, а оттого старику было ещё неудобнее — как к стенке припечатал. В это время к нему сбоку осторожно подошёл рыжий круглолицый старшина и, страшно вращая глазами, рявкнул:

— Опять ты, Шевчук?!

Увидев его, пенсионер совсем растерялся, присел даже.

— Дак ить темно было и склизко, вот я и...

— В чём дело? — остановил я старшину.

— Да вы знаете, товарищ прокурор, этот шустрый дедок в декабре прошлого года тоже два раза под машины попадал... в моё дежурство это было. В первом разе-то даже синяка не было — испуг один получил, а вот во второй раз неудачка вышла — пальчик на руке сломал. Так или нет, Шевчук?

— ...темно и склизко было...

— Зачем же вы так, Юрий Николаевич, — растерянно спросил я, — что вас тянет на большую дорогу-то?

— А тянет его, товарищ прокурор, — снова с напором заговорил старшина, — самая прямая выгода: с первого водилы он взял 50 рублей, со второго — уже триста. И платят же, чтобы только он не заявлял! Я потом от них узнал случайно... Они же ещё и довольны были, что легко отделались...

Старик молчал, понурился.

— Во деятель! — продолжал бушевать старшина. — На рентген-то, наверное, сюда же приезжал?... В декабре это было...

— Не знаю, — пожал плечами врач, — не в мою смену было, за январь я вам показал, а за декабрь журнал уже в архиве...

— Ну, дед, даёшь! — воскликнул младший лейтенант, — это что же, как в цирке: смертельный номер!? А потом деньги берёшь?

— Точно так, товарищ лейтенант, — поддержал коллегу старшина. — Ну, что, каскадёр, может быть, и с нашим “уазиком” пободаешься? Я заплачу! — Он зашёл к нему с другой стороны и спросил с ехидцей: — А с товарища прокурора сколько возьмёшь?

Старик, и без того подавленный, весь затрясся и заплакал. Сейчас, когда ситуация прояснилась, моё напряжение пошло на убыль. Остановив жестом разошедшегося старшину, я отвёл старика в сторону.

— Ты что же это, Юрий Николаевич, со смертью в прятки играешь? Да ты же...

Не дослушав меня, старик зарыдал навзрыд, закрывая лицо руками, потом схватился за сердце, а врач метнулся в кабинет за нашатырём...

...Распрощавшись с милиционерами и врачом, я повёз чуть успокоившегося старика домой. По дороге, всё ещё всхлипывая, рассказал он мне о своей больной жене, о диком безденежье...

— Я ведь что, мил человек, чего козлом-то запрыгал? Сына уже два года найти не могу: уехал по каким-то делам в Москву — и с концами! Невестка быстренько развод оформила и замуж за другого, а сына своего, внука, значит, нашего нам с бабкой оставила. Он, видите ли, мешает ей жить с новым мужем. Тьфу, сволочь! Пенсия-то у меня добрая, ветеранская, так ведь платют не вовремя! Бабкина пенсия — куриные слёзы! А она у меня больная: один диабет чего стоит!.. Я ведь на войне так не прыгал под бомбами и снарядами, хотя и помоложе был... Эх, сынок! Знали бы мы тогда, что ждёт нас на излёте!... Вы уж простите меня, товарищ прокурор!..

Его лицо, изрытое морщинами, всё время не покидало виноватое выражение, а глаза всё ещё блестели влагой в отсветах уличных фонарей.

— А в милицию-то обращался с заявлением? Розыск объявили?

— Дак ходил я, как же, раза два-три, всё обещал участковому, ещё куда-то водили... Сказали, если, дед, что-то станет известно — немедленно сообщим, а так не ходи попусту. Не вытерпел я однажды, пошёл к участковому: а вдруг они что-то прознали...

— Ну и?..

— Ого, наш Виктор Петрович так сказал: если я тебя, старый болван, ещё раз здесь увижу, то придётся потом твоей бабке тебя искать, но она тебя не найдёт...

— Так и сказал? — едва сдерживая возмущение, спросил я.

— Так, так... да ещё добавил кое-что, да неудобно вам это говорить — вы человек грамотный, при должности...

— Юрий Николаевич, отлежитесь пару деньков и подходите ко мне со всеми своими документами, справками, расписками, возьмите с собой всё, что вам дали в милиции — разберёмся... Вот работнички!... — не сдержался я и, несмотря что “грамотный” и “при должности”, крепко выругался. — Обязательно зайти, Юрий Николаевич! Найдёшь прокуратуру Ленинского района?

— Да уж найду как-нибудь... Делов вот только много...

— А разве сына найти не дело?

— Так то оно так, да ведь два года уж прошло... Наверное, косточки его уж истлели где-нибудь на чужбине... А бабка всё ещё рубашки его стирает да гладит, словно он их носит... Повесит в шкаф, оглаживает их... вот эта — любимая Костина рубашка, а этот галстук он на свадьбу надевал... — Голос старика снова задрожал, и, похоже, он снова был готов заплакать, потому я решил сменить тему разговора.

— Значит, договорились — жду у себя в прокуратуре, не забудь, а то ведь у меня тоже “делов” много, могу закрутиться, да и всех нюансов дела я не знаю... Поговорим: чем могу — помогу!

— Кого не знаете? Нью... ню?..

— Ньюансы? Это... детали, значит, подробности...

— А, подробности... — с каким-то облегчением проговорил Шевчук.

— И вот что ещё, дед!... Вот что, Юрий Николаевич, — быстро поправился я, — вот вам триста рублей!...

Видя, как он отчаянно замахал руками, отталкивая деньги, я повысил голос:

— Юрий Николаевич, да не тебе даю, не за синяк, а жене твоей на лекарство, как человек человеку... Ну, люди же мы, наконец! Но только дай мне слово, что прекратишь безобразничать на дорогах, а то посажу — и не посмотрю, что старый!..

Шевчук молча соглашался, кивая головой в такт моим словам. Я засунул деньги в карман его пальто и повёл машину быстрее. Я что-то ещё говорил ему о друзьях и родственниках, о соцзащите и совете ветеранов — говорил, а сам мало верил в то, что кто-то из них действительно сможет ему помочь. И вновь я почувствовал, как ко мне возвращается ощущение глубокой вины перед этим старым и незнакомым человеком, дважды раненным на фронте, а сейчас бесконечно униженным и загнанным жизнью в безысходную нищету. Мои слова вряд ли убедили старика, но он перестал плакать, и уже это меня успокоило.

...Я остановил машину около его подъезда. Не без труда Шевчук выбрался из кабины, наклонился к моему окну с опущенным стеклом и сказал просительно:

— Уж не сердчайте на меня, ладно, не сердчайте? — И, сильно прихрамывая, пошёл домой.

...Прошло чуть больше месяца после того события. Старик, как я и думал, не пришёл ко мне на приём, а я, погрузившись в повседневную круговорот рабочих будней, вскоре перестал думать об этом, и долгое время ничто не напоминало мне о той аварии на зимней дороге. Но однажды после обеда в своём кабинете я просматривал местные газеты, и на последней полосе в рубрике “Хроника происшествий” мне бросился в глаза заголовок: “Ветераны гибнут под колёсами!” Я быстро пробежал глазами коротенький текст: “Вчера, 23 марта в Центральном районе нашего города на улице Свердлова в результате дорожной аварии погиб 74-летний ветеран войны Шевчук Юрий Николаевич... По данному факту возбуждено уголовное дело...”

Ещё не веря своим глазам, я взял сводку происшествий за предыдущий день и нашёл запись: “Шевчук Ю. Н. ...автомобиль “Москвич”... водитель задержан...”

— А ведь вчера не заметил, точнее, не обратил внимания! Каждый день столько всяких происшествий, что мы перестаём их замечать, как нечто простое, обыденное. А ведь за каждой такой строкой чья-то жизнь, чья-то судьба... Вот он — показатель нашей жизни. Плохой показатель!

— Вот и встретились, дед! — думал я, устремив безучастный взгляд в газету, а перед глазами ожила уже позабытая картинка: ночь, лежащий на льдистом асфальте старик с задранной штаниной, режущие с перепугу очевидцы и я сам, растерянный и оцепеневший от случившегося...

— Что же ты слово-то не сдержал, дед? Ведь обещал оставить свое занятие — “смертельный номер”?.. — словно допрашивал я своего воображаемого собеседника. Потом мне вспомнился весь наш разговор в машине... А ведь он так и не дал мне тогда никакого слова. Я говорил, а он молчал, вот я сам себя и успокоил, как говорится, утешился! Казалось бы, чужой человек, чужая боль, но я всерьёз был огорчен вестью о гибели старика.

“Темно и склизко было... Не сердчайте уж на меня, не сердчайте!...” — Он словно бы утешал меня из своего небытия, а я, молодой и сильный, всё никак не мог взять себя в руки, не мог найти то решение, которое было бы единственно верным и оправданным в данной ситуации. Сын... Участковый... Да-да, конечно... Проверить...

...Я попытался отвлечься, взявшись за лежащие на столе документы, но что-то не давало мне уйти от этой роковой заметки. Я снова придвинул газету... Ах, вот в чём дело: возбуждено уголовное дело... водитель машины задержан, и ему грозит наказание...

Я ещё не знал, что буду говорить, но рука машинально набирала номер телефона моего коллеги — прокурора Центрального района...